

Российские экономические реформы: история эволюции концепций¹

Р.Г. ХАИТКУЛОВ, Д.Е. ШЕСТАКОВ

История концептуальной эволюции российских экономических реформ практически оставалась вне поля внимания исследований. Авторы статьи проверяют гипотезу о том, что основные изменения программы реформ объяснялись в большей степени сменой команд реформаторов, нежели теоретическими факторами. На основании различных источников представлена хронология реформ 1985–1998 гг., в рамках которой выделены «узловые точки» процесса, выявлены ряды факторов, влиявших на формирование концепций реформаторов, оценена их сравнительная важность и характер влияния. В том числе исследование опиралось на ряд материалов, в частности, выступления активных участников этого процесса А.Г. Аганбегяна, Л.М. Григорьева, С.Ю. Глазьева, Я.М. Уринсона, Г.А. Явлинского на научном семинаре факультета экономики НИУ ВШЭ «Теория и практика экономических реформ конца XX века в СССР и России».

Ключевые слова: российские экономические реформы, борьба программ, перестройка, приватизация, либерализация, переходная экономика, трансформация

Введение

Экономические реформы в России 1980–1990-х гг. представляют собой в значительной мере целенаправленные преобразования, и в этом смысле они могут рассматриваться не только как один из ключевых эпизодов российской экономической истории, но и как факт истории идей. Парадоксально, но, несмотря на то, что прошло уже 20 лет, эта сторона экономических реформ до сих пор практически не была освещена в научных публикациях. Почти отсутствует анализ концепций реформ отчасти из-за сложности выделения подобных концепций, отчасти из-за фокусировки внимания на результатах и политических условиях реформ. В ряде работ [Ясин 2002; Илларионов (1) 2006; Илларионов (2) 2006] выделяются лишь отдельные концепции раннего периода реформ. Тема взаимосвязи концепций реформ и их осуществления, иначе говоря, *исторической эволюции концепций* до сих пор не получила достаточного развития.

В данной статье была сделана попытка привлечь к анализу этих вопросов дополнительные факты на основе официальных документов, свидетельств непосредственных участников, обращения к прессе того времени и иных источников. В частности, авторы проверяют гипотезу о том, что эволюция концепции реформ определялась

¹ Статья подготовлена на основе препринтной публикации https://www.hse.ru/data/2010/05/06/1216458186/WP11_2007_01.pdf. Исследование проводилось при поддержке внутреннего гранта ГУ-ВШЭ на научные исследования (06/2006 – 05/2007).

в большей мере последовательной сменой команд реформаторов, чем эволюцией взглядов отдельных идеологов реформ под влиянием опыта их осуществления.

В качестве определяющей структурной схемы принимается схема «факторы–группы–программы», что соответствует логике самого процесса реформ: программы появляются как результат деятельности неких групп, формирование которых, в свою очередь, само является ответом на вызов внешних экономических факторов. Нетрудно видеть, что, осуществившись, программы создают некую новую экономическую картину, то есть новые факторы. Таким образом, схема закольцовывается.

1985–1989: концепции периода перестройки

Идеи реформирования советской экономической системы, ставшие ответом на многие серьезные проблемы, существовали и до перестройки, но именно в 80-е гг. сформировались основные концепции и группы реформаторов, которые позже стали бороться за осуществление своих планов.

Еще в 1983 г. Ю.В. Андропов поручил нескольким сотрудникам ЦК КПСС, в том числе М.С. Горбачеву и Н.И. Рыжкову, подготовку предложений по экономической реформе. Среди рассматриваемых вопросов, по свидетельству Н.И. Рыжкова, были проблемы хозрасчета и самостоятельности предприятий, концессий и кооперативов, совместных предприятий и акционерных обществ.

В декабре 1983 г. пленум ЦК КПСС принял решение о разработке программы комплексного совершенствования всего механизма управления, включая организационную структуру, планирование, экономические рычаги и стимулы. «Только комплексное, взаимосвязанное рассмотрение вопросов улучшения системы управления может решить задачу наиболее полного использования преимуществ, которые заложены в социалистическом способе производства» [Материалы пленума 1984, с. 21–22]. Уже тогда было понятно, что частичных изменений недостаточно и нужны крупные комплексные мероприятия.

Характерна оценка ситуации в 1983 г. академиком Н.П. Федоренко, в то время академиком-секретарем Отделения экономики АН СССР: «... речь идет о перестройке системы экономических рычагов, подчинении их целям плана, превращении в действенный инструмент согласования общественных, коллективных и личных интересов. Подчеркну, что это путь, принципиально отличный от рецептов “рыночного социализма”, децентрализации. Напротив, его целью является усиление подлинного централизма, централизма демократического. Этот путь больше отвечает условиям развитого социализма. Необходимость его предопределяется характером тех задач, которые предстоит решить» [Федоренко 1983]. Двигаясь по такому пути, считал Федоренко, страна должна решить три важнейшие задачи:

- ускорение научно-технического прогресса;
- повышение трудовой активности;
- усиление, совершенствование централизованного планового руководства экономикой.

В рамках этих общих установок зарождались основные подходы, которые тогда еще выражались в различной расстановке акцентов. Более радикальные сторонники реформ делали упор на хозяйственной самостоятельности через усиление ответственности коллективов за результаты производства, на материальной зависимости коллектива от общих результатов [Бунич 1984]. Умеренные сторонники реформ предлагали при этом уравновесить идею самостоятельности предприятий принципом демократического централизма [Хачатуров 1984] и требованиями «глубокой политико-экономической разработки вопроса о направлениях и границах расширения самостоятельности предприятий» [Сергеев 1984].

Активизация работы по подготовке экономических преобразований произошла после очередной смены руководства страны. На апрельском 1985 г. пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев впервые открыто заявил об имеющихся в СССР экономических и социальных проблемах.

Дискуссии начального периода перестройки нашли выражение и в результатах июньского пленума ЦК КПСС 1987 г., специально посвященного реформе хозяйственного механизма [Реформа управления экономикой... 1987]. Тогда же начинаются разногласия и среди самих сторонников перестройки: руководящее ядро партии, сформировавшееся вокруг Горбачева, менее чем за два года оказалось расколото на противостоящие друг другу группы, при том, что необходимость перемен осознавали все, но понимали эти перемены по-разному.

Первый удар по авторитету Горбачева нанес секретарь Московского горкома партии Б.Н. Ельцин: в сентябре 1987 г. он неожиданно выступил на торжественном Пленуме ЦК КПСС, посвященном предстоящему празднованию 70-летия Октябрьской революции, с резко критической речью. Ельцин говорил о медлительности в осуществлении перестройки, критиковал политику секретариата партии и возглавившего его Е.К. Лигачева, а также заявил о возникновении в партии «культ личности» Горбачева, в заключение он сообщил о своей отставке из Политбюро.

Лидером другого направления в партии стал Е.К. Лигачев, он занимал пост второго секретаря КПСС и отвечал за кадровую политику партии. Лигачев также заявлял о необходимости перестройки, ратовал за борьбу с коррупцией, за наведение порядка, дисциплины, но при этом выступал за сохранение основных параметров социалистической экономики, за сохранение в руках КПСС рычагов управления страной, и по мере углубления преобразований он все более и более становился в оппозицию политике Горбачева.

Обе эти линии в руководстве КПСС имели опору и в академической среде. Речь шла о разных интерпретациях курса на перестройку и экономическую реформу. Официальные установки на демократизацию управления и расширение самостоятельности предприятий толковались двояко: либо с упором на внедрение в сложившуюся систему рыночного саморегулирования как предпосылки децентрализации и демократизации управления, либо с упором на демократизацию сложившейся системы, например, путем увеличения роли трудовых коллективов, но без радикального усиления роли рыночного начала в управлении экономикой. В первый период перестройки (1985–1986 гг.) формулировки официальных документов оставались достаточно общими, и каждая из этих позиций могла рассчитывать на влияние на политический курс. Решения июньского пленума 1987 г. с достаточной определенностью отразили лидерство первой из названных интерпретаций. Достаточно сравнить эти решения с материалами Всесоюзной конференции 1986 г., чтобы убедиться, что на данном этапе курс экономической реформы опирался на разработки, представленные в докладах А.Г. Аганбегяна, Л.И. Абалкина, П.Г. Бунича. Соответственно сторонники альтернативной интерпретации перестройки хозяйственного механизма оказались в оппозиции, которая и консолидировалась вокруг Е.К. Лигачева.

На следующем этапе перестройки концепция экономической реформы продолжала эволюционировать, а полемика вокруг нее обостряться. Более того, эта полемика перестала быть уделом только специалистов, вышла на страницы массовых изданий и приобрела открыто идеологический характер: если на предыдущем этапе дискуссий реформа хозяйственного механизма рассматривалась (по крайней мере на словах) исключительно как средство совершенствования социализма, то теперь ситуация начала меняться. Прежде всего постепенно трансформировалась официальная риторика: формула «совершенствование социализма» была заменена на «обновление социализма», причем за обновленной формулой часто стояло размыывание прежнего идеологического противостояния социализма и капитализма. Советский социализм признавался «недостаточно» социалистическим, в том числе

по отношению к общественным системам ведущих западных (капиталистических) стран. Иначе говоря, «обновление образа социализма» нередко означало переход к тем или иным социал-демократическим трактовкам социализма.

Радикальный характер имело выступление Л. Пияшевой (Попковой – Р.Х., Д.Ш.) в майском номере «Нового мира» 1987 г.: ее статья «Где пышнее пироги» получила широкий резонанс именно потому, что впервые публично поставила под сомнение преимущество социализма перед капитализмом, и таким образом сам социалистический характер будущих преобразований стал подвергаться сомнению [Попкова 1987].

Вместе с эволюцией теоретических концепций и целевых установок реформаторов изменялись и практические рецепты: в 1988–1989 гг. на первый план выдвинулись изменение отношений собственности (прежде всего путем внедрения арендных начал в отношения между государством и предприятиями) и появление установки на рыночное регулирование инвестиций (темы финансовых рынков и двухуровневой банковской системы). Эти новации стали предметом концептуальных разногласий в официальном лагере тогдашних реформаторов, что позднее вылилось в так называемую «борьбу программ». Так, в этот период Л.И. Абалкин продолжал отстаивать нормативный подход к выстраиванию хозяйственного механизма, в то время как А.Г. Аганбегян, опираясь на опыт восточно-европейских стран, высказался против него [Аганбегян 1990].

Открыто разногласия в подходе к экономической реформе проявились в ходе Всесоюзной научно-практической конференции в ноябре 1989 г. [Экономическая реформа 1990]. Официальная концепция реформы столкнулась здесь с левой оппозицией, представители которой (Г.С. Хижа, А.А. Сергеев) заявили, что дополнительные права для новых форм хозяйствования (кооперативов, арендных коллективов) ущемляют интересы крупных государственных предприятий, на которых работает основная масса трудящихся: «В этой ситуации права – это те же привилегии», – заявил Хижа, объясняя падение популярности реформ [Экономическая реформа 1990, с. 165].

Таким образом, логика эволюции концепции реформ до 1990 г., подводящая нас к рассмотрению периода активной борьбы программ, может быть представлена следующим образом:

Таблица 1. Эволюция концепции экономических реформ

	1985–1986	1987–1989	1990 и далее
Идеологический вектор:			
– общий курс	совершенствование социализма	обновление социализма	переход к рыночной экономике
– ключевые слова	– ускорение социально-экономического развития; – перестройка хозяйственного механизма	радикальная реформа управления	либерализация экономики
– характер полемики	борьба за интерпретацию провозглашенного курса	– размежевание «целевых моделей» (социалистических и социал-демократических); – публичное проявление несоциалистических ориентаций	политическая борьба вокруг выбора социально-экономической системы
Прагматический вектор:			
– основные направления реформирования	– расширение самостоятельности предприятий; – хозрасчет; – демократизация управления	– самофинансирование; – аренда; – акционирование	– приватизация; – формирование; факторных рынков

1990–1991: борьба программ

Следующий короткий, но важный период реформ (1990–1991 гг.) – это период борьбы программ (1990) и выбора экономического курса после путча (осень 1991). Он стал, по Аганбегяну, началом «системного кризиса», с последствиями которого мы сталкиваемся до сих пор. Однако разработка программ реформ в этот период была еще относительно независима от обсуждения реальных процессов в экономике и в значительной степени продолжала логику идейно-теоретических дискуссий.

Мы разделим анализ на три взаимосвязанных раздела, соответственно посвященные факторам, определявшим необходимость и характер экономических реформ в этот период, группам экономистов, бравшихся за осуществление этих реформ, и собственно программам реформ. В программах реформ предполагается выделить два вектора: *идеологический*, фиксирующий саму направленность реформирования (социализм, капитализм), и *прагматический*, характеризующий конкретные меры по изменению «правил игры» в экономике (обществе).

Факторы, определявшие необходимость и характер экономических реформ

В самом начале рассматриваемого периода произошло важное событие, с которого и можно начать анализ влияющих факторов: в ноябре 1989 г. в Польше на выборах победила «Солидарность» и с января 1990 г. правительство Мазовецкого–Бальцеровича объявило программу финансовой стабилизации, получившую название «шоковой терапии» [Ясин 2002]. Для того чтобы понять, как осуществляется трансформация в Польше, туда была направлена команда специалистов из пяти человек – В. Мащица, С. Алексашенко, Г. Явлинского, Б. Львина и К. Кагаловского. Их мнение в вольном пересказе Л.М. Григорьева звучит следующим образом: «... в Польше пошли реформы, ничего страшного; цены подскочили и упали – жить можно, надо делать что-то в этом же роде и у нас» [Григорьев 2006]. И уже в феврале 1990 г. в предисловии к программе «400 дней доверия» было написано: «Время для постепенных преобразований оказалось упущенным, неэффективность частичных реформ доказана опытом Венгрии и Югославии; только быстрота, всеохватность и радикальность изменений помогут достигнуть поставленных целей» [Явлинский, Михайлов, Задорнов 1990].

В своих рассуждениях авторы реформ не ограничивались анализом опыта стран Восточной Европы: так, В.А. Найшуль отмечает, что «Гайдар, Чубайс, Широнин, еще какая-то часть группы ориентировалась на восточно-европейские страны и их реформы. Для меня они были совершенно нерелевантны. Для меня в 1990 г. была и остается очень релевантной страной Чили» [Найшуль 2004]. Таким образом, можно сказать, что реформаторы в целом ориентировались на опыт других стран: Восточной Европы, Латинской Америки, Чили. С другой стороны, охват нельзя назвать полным, и сколь обилен поток сравнений западными аналитиками российских реформ с китайскими [Интрилигейтор 2008], столь же скудно о них говорят у нас. О знании китайского опыта Ю.В. Яременко² говорит Гайдар, да и то походя [Гайдар 2006].

Помимо учета опыта других стран в этот период налаживалось непосредственное взаимодействие с иностранными советниками и консультантами. Каждый из них имел свой взгляд на процесс реформирования в России, иногда основанный

² Как показывает интервью В.А. Найшуля [Найшуль 2004], само отношение к Ю.В. Яременко было неоднозначным.

на историческом опыте своей страны, но чаще построенный на неверных представлениях как о ситуации в России, так и о процессе трансплантации институтов. Положение России осложнялось тем, что нередко оценка советников была важна для принятия того или иного решения, в частности, о предоставлении международных кредитов, при этом ради их получения реформаторы должны были подчиняться сомнительным, а, возможно, и намеренно губительным для экономики России указаниям.

Г.А. Явлинский крайне критично характеризует советников МВФ: «Они ничего вообще не понимали, их представления были совершенно дремучие... С ним (С. Фишером – *Р.Х., Д.Ш.*) было бесполезно разговаривать!» [Явлинский 2006]. Явлинский разделил всех экономических консультантов на три категории: тех, кто реально говорит полезные вещи; тех, кто искренне верит в глупости; и тех, кто не только говорит глупости, но и серьезно на них зарабатывает. К первой категории Г.А. Явлинский относил, прежде всего, японцев и немцев, которые советовали не слушать американцев.

Оценка влияния западных теорий и концепций на ход реформ многим представляется однозначной. «Мы сделали все по учебникам. Кстати, это было главное направление мысли в 1991 г. – никаких собственных путей. Все делаем, как в учебнике написано. Я не буду называть человека, который мне это сформулировал, он сейчас занимает высокое положение», – пишет В.А. Найшуль [Найшуль 2006].

В качестве еще одного фактора можно назвать, на первый взгляд, парадоксальный, но крайне важный фактор императивности установок или готовности к конструктивному диалогу. Считается, что самый свирепый спорщик – самый толерантный человек, он допускает возможность существования других мнений и верит, что в споре рождается истина. Тон ранних публикаций, посвященных теории рынка, можно характеризовать словами «иного не дано». «Иного и не случилось», – отмечает В.Н. Богачев, в чьих работах присутствует острая критика радикальных рыночных реформ, отмечается опасность следования готовым рецептам из учебников [Богачев 1993].

Теперь обратимся к политическим факторам экономических преобразований. Было ясно, что реформы могут вызвать социальные конфликты и, соответственно, столкнуться с политическими барьерами. В концепции реформ это нашло отражение в форме либо проблемы доверия, либо проблемы политических рисков. Г.А. Явлинский в своей программе «400 дней доверия» раскрывал смысл ее названия: «Успех реформ невозможен без доверия людей к тем, кто осуществляет преобразования. Чудес не бывает – и первые шаги реформы в экономике ухудшат положение многих» [Явлинский, Михайлов, Задорнов 1990]³.

Наконец, на дискуссии о программах реформ влияли и экономические трудности, например, обострение проблемы так называемого «денежного навеса»: из-за отсутствия предложения в условиях дефицита товаров и услуг в командно-административной экономике делались вынужденные сбережения. Статистическая оценка структуры отложенного спроса приводится в различных источниках, например, в докладе Комиссии Европейских Сообществ: «... динамика уровня накоплений в домашних хозяйствах ясно указывает на то, что текущие размеры накоплений сильно превосходят уровень, который домашние хозяйства считают “нормальным” или желательным» [Стабилизация, либерализация и перераспределение власти 1990]. На первую половину 1990 г. «денежный навес» оценивался в 165 млрд руб. Фактор этого «навеса» играл важную роль при обсуждении методов приватизации, и впоследствии вопрос о потерянных сбережениях будет неоднократно всплывать в политических программах и манифестах.

³ Ту же мысль В.А. Найшуль иллюстрирует примером Эстонии: «В Эстонии сказали: “мы будем независимые. А если мы не выдержим эти реформы, то мы не будем независимыми”. И это было лейтмотивом реформ в восточно-европейских странах» [Найшуль 2004].

Стержнем дискуссии оставался вопрос: можно ли удовлетворить этот спрос за счет приватизации мелких предприятий, находившихся в государственной собственности. Для многих реформаторов это представлялось очевидным, но также высказывались и возражения. «Если, например, у вас отложены деньги для приобретения цветного телевизора, холодильника или мебельного гарнитура, – отмечал Л.И. Абалкин, – то это отнюдь не значит, что вы готовы использовать эти деньги на приобретение частного магазина, покупку акций государственных предприятий или на приобретение земли» [Абалкин (1) 1991, с. 218]. Е.Ф. Сабуров, напротив, подчеркивал важность «переориентирования свободных средств с потребительского ранка на инвестиционный, ... создания каналов капитализации этих средств» [Сабуров 1997, с. 47]. По его мнению, это смогло бы разрешить структурные противоречия экономики.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

- в выборе того или иного фактора, которым реформатор оправдывает свою концепцию, всегда определена его идеологическая позиция, и наоборот, идеологическая позиция определяется подбором факторов, доступных в тот или иной период. Представляется, что когда Е.Т. Гайдар формировал свой «правосоциалистский подход» к реформированию экономики (по Найшулю), он не был знаком с китайским опытом. Когда же позднее результаты китайских социальных преобразований стали ему доступны, он не поменял своих взглядов;
- объективные факторы таким образом выступают в качестве обоснования для проблемы, а субъективные – в качестве обоснования компетенции данного экономиста в решении этой конкретной проблемы;
- общим для большинства экономистов-реформаторов можно считать ссылку на недостаток времени: либо объективные факторы находились уже в состоянии катастрофическом (Гайдар), либо «не дали» закончить необходимые преобразования (Авен). Экономистами молодого поколения часто отмечается недостаточность теоретической подготовки при молчаливом, впрочем, согласии, что старшее поколение в экономических вопросах понимало еще меньше, что отчасти оправдывает и их «учеников»;
- важным фактором является оценка политического риска. Понимание уже упомянутой «нехватки времени» и возможности «отката» приводят многих реформаторов к ограничению времени реформ (от 5 лет Абалкина к 500 дням Явлинского). Политический риск делает реформаторов радикальнее, заставляет искать «эффективного собственника» нередко в ущерб проработке отдельных положений;
- объединенные на основании субъективного понимания экономической конъюнктуры и определенных философских, политэкономических или экономических теорий экономисты консолидируются в группы и вступают в конкурентную борьбу по отношению к модернизационным проектам.

Группы экономистов

Всякая реформа – это «умственный продукт группы» [Найшуль 2004], и исходя из этого утверждения, все существовавшие группы реформаторов можно условно разделить на формальные и неформальные. Но до 1987 г. не существовало формальных идейных групп последовательно рыночной направленности. Достаточно вспомнить скандал с публикацией доклада Т.И. Заславской, чтобы понять атмосферу научной жизни в Советском Союзе⁴. Однако уже в преддверии перестройки

⁴ Материалы доклада Т.И. Заславской «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии», вышедшего в 1983 г., были изъяты КГБ.

появляются сначала неформально, а с периода перестройки и явно научные группы, не разделяющие господствующие идеи и понимающие необходимость структурных экономических реформ.

Большинством исследователей отмечается движение к формализации прежде неформальных групп и замещение ими не оправдавших себя старых формальных. «Говорят, первая группа реформаторов состояла только из академиков. Вторая – состояла только из членов-корреспондентов. На третьей стадии были только доктора, а я, кандидат, попал на четвертой попытке. И было это уже к концу 1989 года» [Григорьев 2006]. Н.А. Шматко выделяет три стадии (соответственно, три группы экономистов) российской экономической реформы, которые последовательно сменяли друг друга в процессе общественной трансформации: традиционно-градуалистическую (группа Абалкина), неоклассически-технократическую (группа Шаталина–Явлинского), революционно-технократическую (группа Гайдара) [Шматко 2005].

П.О. Авен утверждает, что молодые реформаторы «считали себя частью академического, а никак не диссидентского движения» [«Мы никогда не будем любимы в своей стране». Интервью с Петром Авеном (часть 1)]. Следовательно, каждой стадии и неформальной группе теоретически можно поставить в соответствие определенное научное учреждение, что и делает в своей работе Н.А. Шматко. Причем, она – единственная, кто рассматривает все группы экономистов без проведения различия между «молодыми реформаторами» и академиками. Так, выделяются: Институт экономики АН СССР (группа Рыжкова–Абалкина), ЦЭМИ и Институт экономического прогнозирования АН СССР (группа Шаталина–Явлинского), Институт экономических проблем переходного периода (группа Гайдара). Конечно, такая классификация весьма условна. Например, по свидетельству П.О. Авена, «Шаталин к нам по-человечески очень хорошо относился, но мы жили в совсем разных мирах» [«Мы никогда не будем любимы в своей стране». Интервью с Петром Авеном (часть 1)]. Со своей стороны, В.А. Найшуль выделяет три «куста» единой группы реформаторов (фактически три разных группы): московско-питерский куст (Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс, А.Р. Кох), новосибирский куст (С.Г. Кордонский), московский госплановский (В.А. Найшуль).

А.Н. Илларионов возвращается к проблеме группировок реформаторов и подробно рассматривает то, что он называет «центрами кристаллизации» групп молодых экономистов в период 1979–1991 гг. [Илларионов (1) 2006]:

1. Москва:
 - 1.1. НИИ Госплана (В.А. Найшуль, В.М. Константинов, Ю.М. Родный),
 - 1.2. ВНИИСИ (Е.Т. Гайдар, П.О. Авен, В.С. Широнин и др.),
 - 1.3. ЦЭМИ (К.Г. Кагаловский, С.Ю. Глазьев, А.П. Вавилов и др.);
 2. Ленинград:
 - 2.1. Инженерно-экономический институт (Г.Ю. Глазков, А.Б. Чубайс, Ю.В. Ярмагаев),
 - 2.2. Финансово-экономический институт (С. Васильев, О. Дмитриева, Б. Львин, А. Прокофьев, М.Э. Дмитриев),
 - 2.3. Институт советской торговли (С.М. Игнатьев),
 - 2.4. ЛГУ (А.Н. Илларионов),
 3. Новосибирск (С.Г. Кордонский, С.Ю. Павленко).
- Со своей стороны, Л.И. Абалкин говорит о группах реформаторов лишь в разрезе тех модернизационных проектов, которые они представляют [Абалкин (1) 1991]:
- эволюционный вариант (ряд наиболее консервативных общественных кругов, ВПК, «партократы»);
 - радикальный вариант (имеется в виду группа разработчиков программы «500 дней»);
 - радикально-умеренный вариант (правительственная программа Абалкина–Рыжкова).

Несмотря на то, что каждый аналитик, рассматривавший вопрос формирования групп реформаторов, склонен создавать свою классификацию, их общая черта – стремление придать собственной позиции автора выигрышную позицию. Идеологическая составляющая классификации может проявляться двояко: в первом случае позиция автора представляется как некая «золотая середина» между существующими экстремальными точками зрения. Этот прием имеет в своей основе склонность массового сознания к социальной стабильности, компромиссу, который в таком случае понимается не как нахождение оптимального с точки зрения полезности решения, а как «среднее арифметическое» между существующими концепциями – то, что называется «консенсус без консенсуса». Такой прием применяется Л.И. Абалкиным.

Второй способ идеологического фокусирования – провозглашение своей позиции как наиболее радикальной, способной сокрушить старые, ненавистные порядки. Таким образом говорят о себе Илларионов и Глазьев, а Авен иронизирует об одном из выступлений Петракова в 1992 г., когда «совершенно неожиданно оказалось, что есть какие-то другие экономисты, молодые, которые считаются авторитетными и кто-то их там на Западе знает» [«Мы никогда не будем любимы в своей стране». Интервью с Петром Авеном (часть 1)]. Этот разрыв между поколениями экономистов не был чем-то неожиданным и одномоментным, напротив, он представлялся логичным следствием отхода молодого поколения от доминировавших идей в экономической теории, с одной стороны, и математизации экономической теории, с другой. Последнее обстоятельство привело, в частности, к тому, что политэкономы и младореформаторы практически разговаривали на разных языках: достаточно посмотреть философскую аргументацию реформ у Л.И. Абалкина и язык участников «Змеиной горки».

Характерно то, каким образом сами реформаторы характеризуют себя и свои группы в сравнении с остальными, в чем они видят свои недостатки. Главной проблемой своей группы В.А. Найшуль называет недостаточную широту кругозора, вызванную оторванностью от международного академического сообщества. П.О. Авен отмечает, что только после встречи с Вацлавом Клаусом он понял, что «...наука такая большая и широкая, а мы толком ничего не знаем» [«Мы никогда не будем любимы в своей стране». Интервью с Петром Авеном (часть 1)]. О том, что младореформаторам не хватало гуманитарных, политических знаний, тот же Авен говорит лишь мельком, относясь к этому, скорее, как к техническому моменту, причине, затрудняющей согласование позиций.

По мнению В.А. Найшуля, у нас не было критической массы образованных рыночных экономистов: «Такого рода ребят, скажем, в Чили было человек 80, по остроте мысли – не хуже, а по широте знаний – гораздо лучше» [Найшуль 2006]. Любопытно, что к чилийскому опыту неявно будет апеллировать несколько позже и Чубайс.

В этом их принципиальное отличие от группы Шаталина–Явлинского, которая сама по себе появилась как следствие политического союза Ельцина и Горбачева и впоследствии неоднократно вовлекалась в политику.

И, наконец, Л.И. Абалкин свой опыт чиновника и политика называет чуть ли не главным преимуществом: его программа претендовала на то, чтобы учитывать «экономические реалии». На это и направлена основная критика Л.И. Абалкина по отношению к группе разработчиков «500 дней»: «сугубо академическая, правильная в идеале, но не учитывающая реальной жизни проработка проблемы» [Абалкин (1) 1991].

Отсюда еще один вывод: в процессе замены одной группы другой основным трендом был переход от традиционной политэкономической методологии к общэкономической и далее в сторону ортодоксальной либеральной экономической теории.

В.А. Найшуль заостряет свое внимание на психологических характеристиках реформаторов: в качестве одного из достоинств «младореформаторов» и работников Госплана он называет жесткость мышления, которая отсутствовала у «людей... которые работали в академических институтах» [Найшуль 2006]. Впрочем, П.О. Авен замечает, что действовать нужно было на самом деле жестче и не идти ни на какие компромиссы. Еще одним результатом идейной поляризации, таким образом, стала фетишизация группами своих отличительных преимуществ и «глухота» по отношению к преимуществам остальных групп.

Сравнивая и анализируя векторы реформаторов начала 90-х, А.Н. Илларионов различает три типа мировоззрения [Илларионов (1) (2006)]:

- интервенционизм, характеризуемый государственно-управляемой экономикой и государственным патернализмом;
- правый социализм, в котором управляемая демократия сочетается с корпоративным рынком и антикоммунистической идеологией;
- либерализм, ориентированный на свободную торговлю, терпимость и толерантность.

Согласно Илларионову, тот вариант, который был осуществлен в России, на практике ближе всего находится к правому социализму. Это же отмечает и В.А. Найшуль, когда говорит, что Е.Т. Гайдар «... сначала себя к либералам не причислял. Это были правые социалисты» [Найшуль 2006].

Выбранный А.Н. Илларионовым порядок исследования концепций неслучаен: именно в таком порядке изменялась концепция российской экономической реформы. Таким образом, по характеристике групп реформаторов можно сделать следующие выводы:

- политическая поляризация перевернула статусную иерархию экономического поля. В ходе этого процесса экономические соображения подменялись идеологическими, причем, большая часть моделей основывалась на уже существовавших на Западе, и даже те, кто включился в разработку новой национальной парадигмы, встали на сторону той или иной модели;
- в процессе замены одной группы другой основным трендом был переход от политэкономической методологии к общеэкономической и далее в сторону ортодоксальной либеральной экономической теории;
- при проведении сравнительного анализа идейных платформ реформаторов общим местом в их работах можно назвать создание рынка. При этом складывается парадоксальная ситуация, когда рынок воспринимается как нечто уже неизбежное и из деклараций о его необходимости автоматически выхолащивается смысл. Фактически спор идет о сроках и методах его введения, что дает дополнительный стимул для перевода споров в область политики. Идейно-экономическая поляризация сделала затрудненным переход экономистов из одного лагеря в другой, что обострило полемику и делало вчерашних «законодателей моды» самыми жесткими критиками малейшей неудачи своих противников.

Программы реформ

Идеологический вектор

Перед реформаторами встала задача в одной программе преобразований ответить сразу на ряд вызовов, накопившихся за более чем полвека проблем, возникших в результате принятия необдуманных решений. Эта задача не могла быть сведена лишь к борьбе групп давления в изменяющихся условиях за власть и источники дохода. Различные коллективы реформаторов представляли свои модернизационные проекты: картиной борьбы двух таких проектов и является знаменитая «война программ».

Еще до начала широкомасштабной дискуссии по вопросу радикальной экономической реформы многие авторы [Богачев 1993; Сабуров 1997; Уринсон 2006] отмечают наличие двух принципиально противоположных направлений экономической реформы:

- направление, опиравшееся на понятие «настоятельность потребности». Оно носило ортодоксально социалистический (по Сабурову) характер (хотя впоследствии частично перешло в либеральное) и разрабатывало локально эффективные математические методы;
- направление, опиравшееся на признании необходимости усиления роли денег в стимулировании трудовой активности.

Первое направление более известно как теория СОФЭ – системы оптимального функционирования экономики. К нему принадлежали многие известные советские экономисты-математики, в том числе Канторович, Немчинов, Шаталин, и называть его вполне социалистическим не совсем верно. По свидетельству Я.М. Уринсона, «...В ЦК КПСС эту концепцию оценивали как прямую антисоветчину» [Уринсон 2006]. Представители либерального направления экономических реформ говорили о нежизнеспособности такого подхода. И, напротив, для экономистов и политиков социально-демократической и эволюционистской ориентации СОФЭ остается упущенной возможностью, нереализовавшимся шансом. Вина за это возлагалась на «маститых политэкономов», которые «не видят, какими результатами математической экономики можно было бы воспользоваться» [Уринсон 2006]. Разброс мнений в социал-демократическом лагере, когда в нем присутствовали и чистые политэкономы, и экономисты-математики, и ортодоксальные марксисты, делал затруднительным сколько-нибудь серьезное движение в этом направлении. Так или иначе именно эти два направления кристаллизуются впоследствии в те политические группы, между которыми и будет происходить «война программ».

Собственно история «войны программ» начинается с сентября 1991 г., когда Верховный Совет РСФСР приступил к обсуждению программы «500 дней», откровенно не обращая внимания на правительственную программу. В поисках политического консенсуса тратиться драгоценное в период кризиса время, не принимаясь важнейшие законопроекты; попытки создать комбинированную программу, учитывающую лучшее из обеих программ (таковая по поручению М.С. Горбачева была предпринята академиком А.Г. Аганбегяном), не устраивают обе стороны и являют собой, по шутливому замечанию Б.Н. Ельцина, «попытку скрестить ужа с ежом» [Горбачев 1995].

Одним из принципиальных вопросов, с которого стоит начать сравнение конкурирующих программ экономической реформы, является вопрос причины проведения этой реформы. И хотя выше уже были названы некоторые из них, все же остановимся на них более подробно.

В своей книге «К цели через кризис. Спустя год...» Л.И. Абалкин [Абалкин 1992] выделяет основные причины, по которым стране необходима радикальная экономическая реформа:

- спад производства;
- расстройство финансовой системы и денежного обращения;
- структурный кризис – утяжеленная структура экономики с высоким удельным весом добывающих отраслей, военно-промышленного комплекса при неразвитости системы коммуникаций, отставании сферы услуг и запущенности аграрного сектора⁵.

⁵ Следует различать понимание кризиса как неблагоприятных эмпирических показателей функционирования экономики (Аганбегян), в частности, их понижательного тренда и причин, которые лежат в его основе (Абалкин).

К определению последней причины мы можем также добавить неблагоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру (снижение цен на нефть) и непродуманную политику руководства, основанную на откладывании непопулярных решений «на потом» в надежде на разрешение проблемы тем или иным способом. Некоторые авторы радикально либеральной направленности имели склонность сводить причины кризиса конца 80-х гг. исключительно к порочности самой социалистической системы хозяйствования безотносительно к конкретным данным: «внешнее благое намерение разделить поровну заработанное всеми приводило к ослаблению воли каждого зарабатывать» [Сабуров 1997, с. 24].

Положение, что «альтернативы рынку не существует» [Абалкин (1) 1991, с. 219], признавалось и экономистами социально-демократической направленности. Однако критика самого понятия «социализм» в их работах отсутствует: критикуется *командно-административная* [Абалкин (1) 1991] или даже *командно-карательная* система [Ракитский 2006, с. 47].

Л.И. Абалкин отсчитывает историю экономической реформы с начала политических дебатов на XIX партийной конференции, в своем выступлении на которой им была дана достаточно жесткая оценка ситуации; им было сказано, что из состояния застоя экономика не вышла. Именно с этого момента начинается сотрудничество Л.И. Абалкина с Председателем Совета Министров СССР Н.И. Рыжковым, формирование группы «технократов» [Шматко 2005]. Как видим, эта работа и последующее написание программы радикальных экономических преобразований не были чем-то вроде выбора; неправомерно предполагать, что Рыжков «поддержал» программу: но он сам участвовал в ее формировании и обсуждении. И поскольку Абалкин оставался в команде Рыжкова, постольку он не мог принимать участие в работе альтернативных команд, например, команды в Архангельском.

Основные принципы идеологической платформы Л.И. Абалкина были изложены им в докладе для Академии Наук «Экономическая реформа и мировые тенденции общественного развития» [Абалкин (2) 1991]:

- необходимо опираться на те общемировые тенденции, формы и структуры, которые в ходе исторического процесса доказали свою жизненную силу и эффективность;
- необходимо сочетать эти тенденции с историческими традициями и социокультурными компонентами, присущими именно данной стране и именно на данном этапе ее развития;
- необходимо включить страну в мировое хозяйство;
- необходимо отказаться от жесткости схем и оценок.

Для Л.И. Абалкина, как уже отмечалось, программа «500 дней» была «правильной в идеале, но недостаточно учитывающей реальности общественной жизни» [Абалкин (1) 1991]. Идея о том, что политическая составляющая в процессе принятия масштабных решений важнее экономической (не в смысле следования «сиюминутным политическим выгодам», но как поиск общественного и политического согласия), пришла к нему, по-видимому, из опыта работы в правительстве. Осознание себя политиком, понимание собственного гражданского долга не могли не повлиять на взгляды Абалкина, обусловив жесткость в отстаивании отдельных положений правительственной программы и неготовность идти на компромисс. А Явлинский и сегодня продолжает сетовать на то, что в программе «500 дней» просчитали все временные затраты по дням, кроме затрат на принятие этой программы.

Вопрос оценки идеологического вектора здесь является важнейшим. Читаем у Н.А. Шматко: «... постепенное российской экономике прививается бескомпромиссная и безальтернативная неолиберальная модель» [Шматко 2005]. Сравним с высказыванием В.А. Найшуля: «Экономический либерализм был воспринят этой группой как жесткое и в какой-то степени государственноческое направление» [Найшуль 2004].

Соответственно «война программ», в конечном итоге, была вызвана не только различиями во взглядах политических деятелей, но и во многом противостоянием конкретных команд реформаторов. В дальнейшем мы увидим, что программы не различались в своей основе, предусматривая лишь различные сроки реализации и полномочия для Центра (невозможность поддерживать распадающийся Союз военными методами неизбежно привела бы – и привела в Беловежских соглашениях – к тому, что республики сами взяли бы для себя «столько свободы, сколько необходимо»).

Базовые положения альтернативных программ можно сравнить на основе двух векторов: идеологического и прагматического. В идеологии программа «500 дней» была ориентирована на экономический либерализм, в то время как программа Рыжкова–Абалкина имела социально-демократическую направленность. С точки зрения прагматического вектора обе программы признавали, что альтернативы рынку не существует, но если программа «500 дней» предполагала сокращение денежной массы, приватизацию и финансовую стабилизацию, а социальных целей предполагала достичь за счет передачи активов эффективным собственникам, то в программе Рыжкова–Абалкина предусматривалось директивное повышение цен, медленная приватизация, патернализм и множество компенсационных программ.

Содержание программ (прагматический вектор)

Наличие общих мест в программах отмечается большинством реформаторов, лишь в отдельных исследованиях встречаются попытки тенденциозно обобщить имеющиеся противоречия в сторону их увеличения. Так, Л.И. Абалкин в своей работе [Абалкин (1) 1991] выделяет общие положения для обеих программ:

- альтернативы перехода к рынку не существует;
- необходимость разгосударствления собственности, создания многообразных ее форм;
- радикальное финансовое оздоровление экономики и укрепление рубля.

Можно отметить ряд существенных различий в конкурирующих программах: в программе Абалкина СССР должен был сохраниться в качестве федеративного государства, в то время как в программе «500 дней» предлагалась идея экономического союза суверенных государств. При этом программа Абалкина сохраняла доминирующую роль Центра, его первенство относительно республиканских и региональных властей; а «500 дней» была ориентирована на экономический суверенитет республик.

В чем противоборствующие стороны видели недостатки программ конкурентов? Против программы «500 дней» Л.И. Абалкин выдвинуты следующие аргументы:

- обвинения лидеров СССР и РСФСР в политической недалекости, ожидании чуда, достижении перелома в улучшении ситуации быстро и без серьезных забот;
- средства массовой информации давили на общественное мнение в пользу программы рабочей группы. В таких условиях нельзя говорить о национальном выборе в пользу того или иного варианта;
- по каждому направлению программы «500 дней» предполагалось опережающее создание правовой базы.

В противоположность этому Г.А. Явлинский с соавторами подчеркивали необходимость быстрого проведения реформ, которое смогло бы запустить экономику и исключило бы возможность «отката назад» к командно-административной экономике [Явлинский, Михайлов, Задорнов 1990].

Как видим, все упомянутые «противоречия» программ лежат лишь в политической плоскости и не связаны с собственно экономической составляющей.

Вопрос о сроках является существенным постольку, поскольку мы сегодня понимаем программу реформ как антикризисную. Если мы изучим понимание степени кризиса различными экономистами, мы снимаем и это противоречие.

Приватизация в трансформационном обществе является одной из ключевых проблем. Без предпринимателя, ответственного собственника невозможно эффективное функционирование рыночной экономики. И наряду с «рыночным консенсусом» «предпринимательский консенсус» был второй по значимости идей, объединившей программу «500 дней» и программу Рыжкова–Абалкина. Правда, понимался «эффективный собственник» в них совершенно по-разному.

Л.И. Абалкин в своей программе подчеркивал роль предпринимательской инициативы, которая является основой любой эффективной экономической системы. В своем отношении к предпринимателю он следовал традиции Й. Шумпетера, однако некоторые положения социально-демократической идеологии (чуждой Шумпетеру) наложили на эту идею некий отпечаток: так, создание эффективного собственника должно протекать в русле общественного согласия, механизм которого остался непроработанным. Далее, поскольку предприниматели являются основными субъектами рыночных отношений, не может быть никакой речи о том, чтобы делать такими субъектами республики. Это противопоставление – своеобразный логический трюк, с помощью которого Л.И. Абалкин пытался убедить читателя в необходимости сохранения единого рынка.

Программы правительства и «500 дней» в конечном счете сошлись в идее продажи государственной собственности как единственной возможности решить проблему «горячих денег». Поэтому «законы о приватизации государственных и муниципальных предприятий и о счетах были приняты Верховным Советом РСФСР в июле 1991 г.» [Шаталин 1994]. По словам Шаталина, документ фактически игнорировал фазу разгосударствления и регулировал непосредственно приватизацию; вводились жесткие ограничения для предприятий, в капитале которых доля государственности превышала 25 процентов: они не могли участвовать в целом ряде сделок. На каждого гражданина, согласно этой концепции, должен был быть заведен именной приватизационный счет. Налицо возможность практического осуществления идеи «ваучеров Найшуля»: «каждый житель страны получит по пять тысяч специальных рублей, в которые будет вписано имя их владельца. С этого момента начнется период раздела государственного производственного имущества, по окончании которого народ вступит в права хозяина страны, и будет управлять ее богатствами в интересах каждого отдельного человека» [Найшуль 2004].

Позднее правительство кардинально изменит свой взгляд на проблему приватизации: идея «именных инвестиционных рублей» отпадет и уступит свое место идее анонимного «эффективного собственника».

Таким образом, в отношении характеристик программ реформ можно сделать следующие выводы:

- еще до начала радикальной экономической реформы исследователи выделяют в качестве двух противоположных позиций в экономической науке школу СОФЭ и школу, настаивавшую на усилении роли денег в материальном стимулировании. Во многом идеи этих школ сформировали положения сторон в будущей «войне программ», однако нельзя говорить об их однозначном соответствии;
- то, что сторонники социально-демократического направления оказались разбросанными по различным методологическим направлениям, в условиях повышения значимости экономических (а не политических) взглядов привело к тому, что у направления с большим потенциалом не хватило сил объединиться в научную школу или партию;
- начиная с 1990 г., кризис системы становится очевидным. Реформаторами достигнут консенсус в отношении причин кризиса и идеологического вектора

программы. В качестве центрального идеологического положения признается безальтернативность рынка: «иного не дано»;

- «война программ» в конечном итоге оказалась вызванной не только различиями во взглядах политических деятелей, но и во многом противостоянием конкретных команд реформаторов;
- в своей основе программы были похожи, различия лежали лишь в области «чистой» политики и, возможно, соответствующем идеологическом позиционировании ученых. Последняя причина явилась следствием «перевернутости» иерархического поля компетенций, когда прошлые научные заслуги оказываются досадным «балластом» на пути к претворению идей в жизнь;
- программы правительства и «500 дней» в конечном счете сошлись в идее продажи государственной собственности как единственной возможности решить проблему «горячих денег».

1992–98: концепции и реальность

Рассматриваемый период (1992–1998 гг.) является временем непосредственного проведения рыночных реформ, поэтому широкой дискуссии о методах и концепции уже не велось, что составляет определенную трудность для анализа по сравнению с периодом 1990–1991 гг. Для достижения поставленной цели нам придется проследить как политические заявления и экономические декларации, так и реально принятые решения и попытаться определить, были ли они следствием изменения взглядов/концепции реформаторов, были ли они приняты в рамках той же концепции в качестве следующего этапа ее осуществления или же были связаны с новыми обстоятельствами.

1992–1994

Первые три года реформ являлись самым важным временем с точки зрения трансформации: именно в 1992 г. приступило к работе первое российское правительство реформаторов, тогда же была объявлена политика шоковой терапии и либерализации цен. В этот период закладывались основы будущей экономики, и те идейные споры, которые все же существовали, велись именно тогда. Этим обусловлено наше более пристальное внимание к нему по сравнению с периодом 1995–1998 гг. С концептуальной точки зрения принципиальным в этот период можно считать вопрос о методах проведения приватизации и макроэкономической стабилизации. Следует отметить, что существуют различные мнения относительно данной периодизации: если, согласно Григорьеву, до 1992 г. обсуждалось только реформирование социализма, и лишь после – принципиальный уход от социализма [Григорьев 2006, с. 12], то Явлинский полагает, что не совсем правильно придавать 1992 г. особое значение [Явлинский 2003].

Можно с большой долей достоверности предположить, что основные факторы, оказывавшие влияние на практические методы проведения экономических реформ, относились, скорее, к политической сфере. Глазьев упоминает, что одной из приоритетных задач Чубайса (в меньшей степени Гайдара) было пройти точку невозврата к советскому строю [Глазьев 2006]. Н.Я. Петраков считает, что правительство Гайдара выбрало быстрые и решительные действия, считая, что кредо политического доверия выдано ему ненадолго [Петраков 1993, с. 65]. Эту точку зрения подтверждает и Е.Г. Ясин: «Промедлить еще три-четыре месяца, показать,

что демократы, сменившие коммунистов у власти, ни на что не могут решиться (и все это на фоне дальнейшего ухудшения положения в экономике), значило поставить под удар и реформу, и демократию» [Ясин 1993, с. 128]. При этом многие считают, что оптимальное время для реформ было уже упущено. Например, Л.М. Григорьев придерживается мнения, что «...август 1990-го был бы в сто раз лучше для старта реформ, чем январь 1992-го» [Григорьев 2006]. Тем не менее, активная фаза реформ началась именно в январе 1992 г.

Правительство Гайдара объявило либерализацию цен 2 января 1992 г.: первоначально планировались очень жесткая стабилизационная политика, однако выдержать ее не удалось буквально сразу же – 18 января правительство подписало соглашение с шахтерами, которое выходило за рамки жесткой фискальной стратегии [Илларионов 1995]. Программа Гайдара предполагала поддерживать бездефицитность бюджета так долго, насколько возможно, но ее удалось сохранить 3 месяца, после чего пошло инфляционное финансирование бюджета за счет кредитов ЦБ правительству (фактически эмиссионное). Более того, ЦБ в свою очередь стал выдавать значительное количество кредитов частным банкам – прирост кредитования частных банков к концу первого квартала составил 125% вместо планировавшихся изначально 15%.

В июле 1992 г. на смену главе ЦБ Г.Г. Матюхину пришел В.В. Геращенко; летом-осенью того года выявилась огромная кредитная эмиссия, которая привела к утроению среднемесячных темпов роста денежной массы; было выдано множество льготных кредитов предприятиям ВПК, во многом убыточным, что явно не предполагалось в программе правительства. К августу 1992 г. правительству стали очевидны провалы первой попытки стабилизации: реформы вызвали лавинообразную инфляцию и спад производства. Была предпринята вторая попытка: правительством РФ был представлен проект Программы углубления экономических реформ [Программа углубления экономических реформ... 1992], который определял 3 периода реформ, в т.ч. первый – кризисный (1992–1993).

Согласно проекту этой программы, главным приоритетом на этом этапе объявлялись либерализация и финансовая стабилизация, при этом кризисный этап характеризовался инфляцией, спадом производства, ростом безработицы. Предполагалось завершение либерализации цен, однако в течение 1992 г. регулирование цен на энергоносители, транспортные тарифы и квартплаты все еще сохранялось. План по бюджетному дефициту на 1993 г. составлял 3% ВВП, что, как видно из статистики, оказалось слишком оптимистическим прогнозом. Также предусматривалось снижение объемов дотаций и субсидий, однако сильное лобби различных отраслей этому препятствовало. Предполагалось также сокращение инфляции до 3% ежемесячно во второй половине 1993 г, что также оказалось невыполненным, и, можно сказать, представлялось совершенно нереалистичным планом.

После отставки Гайдара в декабре 1992 г. премьером стал В.С. Черномырдин, являвшийся компромиссным вариантом и, как считают многие, получивший пост в результате лоббирования Газпрома, а вице-премьером был назначен Б.Г. Федоров – убежденный рыночник. Черномырдин устраивал одновременно и парламент, и Ельцина. Несмотря на то, что многие опасались резкого консервативного курса на сворачивание реформ, новый премьер в общем и целом продолжил линию своего предшественника.

Очевидно, что практическое проведение реформ довольно сильно отличалось от радикального плана и проходило в конфронтации с законодательной властью. Уже через две недели после начала реформ председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов заявил, что настало время отстранить от власти «практически недееспособное правительство» [Лопатников 2006]. Противостояние между правительством и парламентом, в конечном итоге завершившееся победой правительства, отражалось и на экономических решениях. Правительство пыталось снижать

инфляцию в целях макроэкономической стабилизации, в то время как Верховный Совет наращивал государственные расходы, рассчитывая сдержать спад производства. Но после событий 3–4 октября 1993 г. политическое сопротивление политике правительства было значительно ослаблено, удалось снизить бюджетный дефицит и объем кредитов, а также рост денежной массы.

На выборах 1993 г. либералы показали невысокий результат. Вследствие этого, а также переориентации Черномырдина к несколько более консервативной политике в январе 1994 г. из правительства ушли и Гайдар, и Федоров. Позже, после «черного вторника», со своих постов были сняты и.о. министр финансов Дубинин и глава ЦБ Геращенко.

Концом данного периода можно считать сентябрь–октябрь 1994 г., т.к. именно в это время разразился кризис – «черный вторник», и старая парадигма умеренной стабилизации сменилась новой – радикальной стабилизацией. В сентябре 1994 г. был принят новый стабилизационный пакет, существенно отличающийся от среднесрочной программы, подготовленной летом того же года, и принятие этого пакета можно взять за начало перехода к радикальной стабилизации. Пакет содержал жесткие меры по снижению инфляции при бюджетном дефиците, ограниченном 7,8% ВВП, но не предполагал каких-либо крупных реформ. Очевидно, что правительство было занято текущими проблемами макроэкономической стабилизации, и не могло заниматься серьезными структурными реформами. Кроме того, в это время появился новый источник бюджетного дефицита – в ноябре 1994 г. началась война в Чечне.

В целом, по оценке Л.М. Григорьева, период 1992–1994 гг. можно охарактеризовать как стихийное формирование институтов рынка (включая отношения собственности), перестройку цен и острую фазу кризиса переходного периода [Григорьев 2006].

Изначальные прогнозы начала 1992 г. во многом не оправдались – и спад производства, и инфляция оказались куда значительнее, чем ожидалось. Несмотря на это, правительство Гайдара, а затем Черномырдина последовательно придерживалось изначальной ориентации на реформы, макроэкономическую финансовую стабилизацию, приватизацию и либерализацию [Уринсон 2006]. Многие конкретные решения отклонялись от изначальной концепции жесткой фискальной и монетарной стабилизирующей политики из-за борьбы с парламентом, принимавшим законы, увеличивающие государственные расходы. В целом, нельзя сказать, что с точки зрения макроэкономики изменились сама концепция и характер проводимых стабилизационных мероприятий, скорее, прослеживается лишь некоторая корректировка в практической реализации по политическим причинам при неизменной идеологии.

По сравнению с началом периода произошли изменения лишь в приватизационной концепции: программу персональных приватизационных счетов сменил курс на ваучерную приватизацию, что во многом диктовалось политическими мотивами создания социальной базы реформ.

Приватизация

Законы о приватизации государственных и муниципальных предприятий были приняты Верховным Советом РСФСР еще в июле 1991 г. Естественно, что первоначальная схема достаточно изменилась: изначально предполагалось введение значительных ограничений на юридические лица, доля государственной собственности в которых превышала 25%, а на каждого гражданина предполагалось завести персональный приватизационный счет еще до конца 1991 г. [Шаталин 1992]. Прави-

тельство Гайдара выработало свой взгляд на эту проблему, и указом от 14.08.1992 г. было перечеркнуто введение приватизационных счетов, а вместо этого вводилась в действие с 01.10.1992 система приватизационных чеков. В 1992–1994 гг. основной целью являлось разгосударствление предприятий, и всерьез говорить о пополнении доходов бюджета через нее еще было нельзя. Малая же приватизация намечалась на конец 1993 г., за счет чего рассчитывали передать в частные руки до 80–90% предприятий розничной торговли и бытового обслуживания. Кроме того, на 1992 г. были намечены преобразование большинства крупных российских предприятий в акционерные общества и программа народной приватизации посредством наделения всех граждан приватизационными чеками.

Аспект приватизационной линии в этом периоде интересен тем, что до принятия итогового решения происходила некоторая борьба мнений. Лопатников упоминает, что проводились дискуссии между сторонниками приватизации научно-производственных объединений и приватизации их отдельных частей – заводов, фабрик [Лопатников 2006]. За первую точку зрения выступал Глазьев, за вторую – Чубайс⁶. Первая точка зрения обосновывалась тем, что при приватизации отдельных предприятий неизбежно будет проходить дезинтеграция и разрыв сложных производственных цепочек. В пользу второй же говорил тот факт, что в результате подобных действий был бы создан небольшой слой людей, обладающий огромной массой собственности, а не массовый собственник. Не остался в стороне от дискуссий и Верховный Совет, который требовал передать все предприятия в собственность коллективам. Впрочем, несмотря на наличие различных мнений в правительственных кругах, споры о способах приватизации практически не повлияли на планы команды реформаторов, принимавшей в конечном итоге непосредственные решения. С.С. Шаталин упоминает следующую особенность 1992–1993 гг.: «Примечательно, что значительные изменения макроэкономических и социально-политических условий существенные перестановки в правительстве фактически не повлияли на общие подходы к приватизации, не внесли принципиальных коррективов в практику ее проведения» [Шаталин 1994]. Как свидетельствует Л.М. Григорьев: «В нашем случае ничего не обсуждалось, приняли некоторый вариант. Есть следы скрытых дебатов, очень слабые, я в них участвовал – уверяю вас, что это – не дебаты» [Григорьев 2006, с. 28]. Таким образом, борьба вокруг приватизации в основном шла по кабинетам.

В конечном итоге приватизация прошла по плану Чубайса, хотя и с некоторыми уступками: 17 ноября 1992 г. вышел Указ президента о приватизации крупнейших нефтяных предприятий целиком со всей технологической цепочкой, и к 1995 г. образовалось 11 крупнейших холдингов. Планировалось, что раздача и распределение ваучеров будут осуществляться в период с 1 октября по 31 декабря 1992 г. Л.М. Григорьев отмечал, что, несмотря на скептическую позицию Всемирного банка по отношению к ваучерам, приватизация была поддержана специальным займом [Григорьев 2006, с. 21]. Конечный выбор именно варианта ваучерной приватизации он иронически прокомментировал следующим образом: «Выбран этот вариант приватизации был из некоторой совокупности политических соображений ради скорости, при этом те, кто его изобретал и предлагал, утверждали, что последует утроение дойки коров.... В какой-то момент совпали политические интересы борьбы с коммунизмом через приватизацию, идеи получения собственности или закрепления за собой собственности теми, кто ее уже контролировал менеджериально, то есть совпало несколько разных групп интересов. При этом нашлись бестрепетные добровольцы с ученого Запада, которые объяснили, что это все будет отлично» [Григорьев 2006].

⁶ По воспоминаниям Лопатникова, на двери одного из кабинетов в Госкомимущество, которое тогда возглавлял Чубайс, висел плакат «С предложениями о приватизации объединений не обращаться!» [Лопатников 2006].

В целом в 1992–1994 гг. значительная часть экономических преобразований была выполнена хотя и не полностью, но примерно в том ключе, в котором исходно задумывались: поменялся сам тип хозяйственного механизма. Е.Г. Ясин писал в 1993 г., что «...в каком-то смысле, судьба российских реформ уже решена, качественный сдвиг достигнут, если говорить о чисто экономической сфере» [Ясин 1993, с. 135]. Позже В.А. Найшуль оценивал проведенные преобразования следующим образом: «... это огромное изменение, потому что изменилась схема действия этого координирующего механизма, институты, которые обслуживают этот механизм, изменились ролевые функции тех, кто участвует в этом механизме» [Найшуль 2006], и с его словами сложно не согласиться.

1995–1998

Последующий период – 1995–1996 гг. – стал очень напряженным с политической точки зрения (выборы в Госдуму в 1995 г. и выборы президента РФ в 1996 г.). Это время, как справедливо отмечают многие, были потеряны для структурных реформ: начинать серьезные реформы накануне выборов представлялось делом не совсем разумным: как Ельцин, так и вся команда рыночных реформаторов были крайне непопулярны; и в случае победы левых сил на выборах был вполне возможен пересмотр экономического курса.

Победа реформаторов на выборах обеспечила возможность продолжения реформ в рамках прежней стратегии: к концу 1996 г. удалось сдержать инфляцию, но оставались значительные фискальные проблемы. Платой за решение текущих задач и победу на выборах стало отсутствие серьезных институциональных изменений и в особенности скандально известные залоговые аукционы: значительное количество предприятий было приватизировано с нарушением законности, что было выявлено проверками Счетной Палаты и Генеральной прокуратуры. Предприятия с огромными оборотами и ресурсами продавались по смехотворно низким ценам весьма ограниченному кругу приближенных лиц – перед выборами 1996 г. в политических целях было выгодно передать значительную часть госсобственности, чтобы заручиться поддержкой т.н. «олигархов». Сложившуюся ситуацию М. Голдман назвал «капитализмом инсайдеров» [Голдман 1997].

Как отмечает Г.А. Явлинский: «... когда обсуждали ваучерную приватизацию или залоговые аукционы, самые демократические и либеральные специалисты говорили: “А разве вы не знаете, что первоначальное накопление капитала всегда преступно?” Я только мог ответить на это: “Но ведь это было лет 400 назад, а сейчас это вовсе необязательно”. Но их невозможно было ни в чем убедить. На этой политэкономической догме была проведена вся приватизация, особенно крупных предприятий, и некоторые сейчас отбывают заключение в местах очень отдаленных из-за того, что все разделяли эту марксистскую догму» [Явлинский 2006, с. 9].

1997–1998 гг. были, в сущности, первыми годами развития после некоторой стабилизации: к началу 1997 г. инфляция опустилась до приемлемого уровня. Серьезных изменений линии реформ с точки зрения концепции в этот период не наблюдалось, также как и собственно самих серьезных институциональных реформ: шло эволюционное развитие российской экономики. Этот факт отмечает большинство авторов: по мнению более радикальных, структурные реформы и концептуальные решения принимались только до 1993 г. [Исторические судьбы... 1995, с. 47], более умеренную позицию занимают авторы из Бюро Экономического анализа [Обзор экономической политики... 1998], которые полагают, что все основные решения были приняты до 1995–1996 гг., Лопатников оптимистично отмечает первые попытки заняться институциональной средой [Лопатников 2006], однако

все соглашались, что 1997–1998 гг. – это период постстабилизационного эволюционного развития: предпринимались некоторые попытки отрегулировать «правила игры» (борьба с коррупцией), разрабатывались важные документы (Налоговый кодекс, Бюджетный кодекс), однако в целом это являлось лишь некоторыми шагами вперед по уже намеченной дороге.

Главные макроэкономические и политические решения рассматриваемого периода являлись в большинстве своем тактическими, направленными на решение текущих проблем, но никак не стратегическими.

Альтернативные концепции 1995–1998 гг.

Несмотря на то, что программа реформаторов практически не испытала какого-либо влияния со стороны альтернативных концепций, мы не можем не отметить другие варианты реформирования экономической системы, предлагавшиеся в то время. В случае если исход политической борьбы в 1995 и 1996 гг. оказался бы иным, программы могли быть претворены в жизнь, так как сменилась бы команда реформаторов.

В частности, в случае избрания в 1996 г. Г.А. Зюганова на пост президента можно было бы рассчитывать на реализацию экономических реформ, близких по духу к предложениям С.Ю. Глазьева. В 1996 г. последний обвинял реформаторов в идеологизированности и оценивал реформы следующим образом: «Закономерным итогом стал, естественно, провал». В качестве возможного пути выхода из кризиса Глазьев предлагал следующий пакет действий [Глазьев 1996, с. 3–16]:

- установление госконтроля за ценами в высокомонополизированных отраслях;
- политика таргетирования ставки процента на уровне 3–7% годовых в реальном выражении;
- устранение сложившегося завышенного курса рубля;
- снижение бремени налогообложения с освобождением от налогообложения части прибыли, направляемой на развитие производства, НИОКР;
- меры по защите отечественного производителя (ликвидация льгот для иностранного капитала, жесткий контроль над качеством импорта, введение ограничений на иностранные инвестиции (в области оборонной промышленности, недропользования, телекоммуникаций, финансов, электроэнергетики и др.);
- подавление инфляции.

В отношении приватизации рекомендовалось провести отмену незаконных приватизационных актов с возможным восстановлением государственного контроля над ТЭК, оборонной промышленностью, естественными монополиями, а также введение государственного контроля над оборотом земли с помощью специальных земельных банков. Не вдаваясь в частности, можно сказать, что вся программа предусматривала значительное вмешательство государства в экономику, кейнсианские (в части манипуляций с внутренним спросом) и социалистические методы ее регулирования, протекционистскую внешнюю политику.

В этот период существовали и другие альтернативные команды. Одной из наиболее серьезных была концепция А.Р. Белоусова из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН [Белоусов 1996]. Он отмечал, что российская экономика в 1996 г. находится в состоянии острого системного кризиса, и выделял 5 основных задач:

- стабилизация функционирования экономики;
- стабилизация развития экономики (восстановление и расширение научного потенциала страны, внедрение результатов НИОКР в производство);
- стабилизация ее экономической безопасности;

- стабилизация управляемости экономики (обеспечение управляемости ключевых экономических процессов и национального хозяйства как целостной системы);
- стабилизация взаимодействия экономики с внешним миром (обеспечение сбалансированного экономического взаимодействия с внешним миром).

Для выполнения этих задач предполагалось, что в течение двух лет необходимо сформировать экономические институты, изменить структуру инвестиций в пользу обрабатывающей промышленности, создать условия для финансовых накоплений в реальном секторе. Для этого А.Р. Белоусовым выделяются следующие элементы антикризисной стратегии:

- действия по поддержке промышленности и сельского хозяйства с одновременным расширением доходной базы бюджета и набора инструментов антиинфляционной политики;
- инвестиционная поддержка ключевых производств;
- повышение регулируемости внешнеэкономической деятельности;
- ускоренное восстановление продовольственной базы страны, быстрое расширение производства бытовой техники, активизация непроизводственного строительства;
- активизация производственных инвестиций, обеспечение 7–8 % ежегодного прироста;
- жесткое постоянное противодействие инфляции с целью ее снижения до 1–2% в месяц.

Для выполнения данной антикризисной программы, как писал А.Р. Белоусов, необходимо добиться общественного консенсуса по поводу путей выхода из кризиса и наличия у исполнительной власти законных полномочий для реализации антикризисных действий. В частности, предполагалось:

- создание финансово-промышленных групп на базе крупных предприятий и исследовательских центров в машиностроении, металлургии, химической промышленности и в других отраслях;
- сдерживание на протяжении первых 5 лет темпов роста потребления населения без сокращения реальных доходов и стимулирование инвестиций;
- наращивание в течение 5 лет государственного спроса для оживления промышленности через госинвестиции и оборонные расходы;
- изменение ценовых соотношений в пользу обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, для чего необходимо сдерживать цены в затратно-образующих отраслях через дотации, регулирование цен, налоговую политику, договоры с товаропроизводителями;
- государственная поддержка экспорта продукции обрабатывающих отраслей, кредиты для покупки технологий за границей;
- резкое ужесточение контроля над вывозом капитала из страны;
- восстановление кооперационных связей с Украиной, Белоруссией и Казахстаном;
- налоговое и тарифное ограничение конкурирующего импорта и др.

Основной упор в данной концепции сделан на обеспечение инвестиций, пусть даже и через меры государственного вмешательства и ограничения рынка, в противовес концепции реформаторов, предполагавшей максимально свободный рынок и создание необходимых макроэкономических условий. В период экономического кризиса, когда исход еще не был предрешен, в обществе был представлен весь спектр сил: от радикальных либералов до радикальных коммунистов, включая центристские варианты рыночной экономики со значительным госсектором.

Альтернативные концепции, не повлияв на стратегию правительства, все равно оказали реальное влияние на принятие решений: депутаты Госдумы (среди которых в то время было значительное количество левых) нередко разделяли ценности и методы, описанные нами ранее, проводили господдержку промышленности или замедляли принятие решений правительства.

Таблица 2. Альтернативные концепции

	Глазьев	Белоусов	Правительство
Акцент программы	Технологическая модернизация производства	Создание условий для инвестиций в производство	Создание условий для свободного рынка
Отношение к государственному вмешательству в экономику	Активное вмешательство, госконтроль и национализация отдельных отраслей	В силу неразвитости рыночных структур допускается государственное вмешательство	Негативное, по возможности меньше госконтроля
Внешекономическая деятельность	Введение ограничений на иностранные инвестиции, контроль за качеством импорта, отмена льгот для иностранцев, протекционизм	Ограничение конкурирующего импорта, протекционизм	Свободная торговля
Отношение к тяжелой промышленности, энергетике, сырьевому сектору	Возможна отмена незаконных приватизационных актов, ренационализация, государственный контроль за ценами	Создание крупных финансово-промышленных групп, контроль над ценами через налоги и договоры	Демонопользация, либерализация цен
Общий вектор предлагаемых мер	Социалистический с большим влиянием кейнсианства	Рыночный, однако в качестве временного решения предлагается обратиться к методам госрегулирования	Либеральный

Выводы

В целом, на основе имеющихся данных можно сделать выводы о том, что на большей части рассматриваемого периода менялись не столько концепции реформ, сколько фактическая реализация из-за обстоятельств различного толка. Более того, как видно из имеющихся источников, большинство исследователей придерживается того мнения, что ключевые с точки зрения трансформации реформы были завершены к 1993–1995 гг., а дальнейшие изменения проходили в рамках уже новой сложившейся системы. В действительности, серьезных институциональных изменений на отрезке 1995–1998 гг. не произошло, а правительство было занято в основном текущими проблемами, такими как фискальный кризис или рост госдолга.

Общая идеологическая линия российской трансформации оставалась, в целом, неизменной, несмотря на то, что проводили ее в жизнь разные правительства (Гайдар, Черномырдин, Чубайс, и т.д.), правда, делали это с различной степенью успеха. Так, не всем удавалось последовательно придерживаться жесткой монетарной политики, что, впрочем, во многом зависело от действий ЦБ РФ. Возможно, некоторые правительства были менее активны в плане реформ (Черномырдин), что однако не дает оснований считать, что они отступали от намеченного курса рыночных преобразований. Хотя фактические результаты весьма разнились, не следует забывать, что отличались и обстоятельства, в которых оказывалось то или иное правительство (противостояние с Верховным Советом, необходимость выиграть президентские выборы 1996 г, фискальный кризис). Соответственно, отличались ответные действия, приходилось находить компромиссы, порой весьма серьезные, но намерения осуществлять радикальные рыночные преобразования оставались неизменными, начиная с правительства Гайдара.

Следует отметить, что установки и взгляды большинства реформаторов, взятых отдельно, не претерпели за рассматриваемый период серьезных изменений. Какой-либо отдельный поворот или выбор в проведении реформ, как правило, объяснялся не эволюцией взглядов конкретного человека, а, скорее, сменой лица, отвечающего за эту область деятельности, или выбором другого варианта (например, как в случае приватизации, когда была полностью отменена принятая ранее система приватизационных счетов, и победил проект Чубайса). Естественно, в наши дни многие реформаторы признают отдельные свои ошибки, но сомнительно, чтобы взгляды кого-либо из них успели сильно эволюционировать за то короткое время, когда они обладали способностью влиять на ход реформ, и поэтому представляется весьма правдоподобным тот взгляд, что изменения на каком-то участке работы определяются сменой команды и/или иными внешними обстоятельствами, а не эволюцией взглядов реформаторов.

На первом периоде (1992–1994), самом важном с точки зрения перехода к рынку можно выделить следующие внешние факторы, в определенной мере изменившие тактику реформ вопреки первоначальным замыслам шоковой терапии:

- борьба с парламентом;
- отклонения ЦБ от жесткой монетарной политики;
- необходимость компромисса с отдельными субъектами и деятельность лоббистов (соглашения с шахтерами, аграрное и северное лобби);
- волна антирыночных настроений в обществе и популярность градуалистского подхода;
- необходимость выполнять договоренности с МВФ;
- ослабление политического сопротивления после октября 1993 г.;
- не слишком успешные выборы декабря 1993 г.;
- «черный вторник».

Период 1995–1996 гг. характеризовался меньшей интенсивностью реформ, тогда дело ограничивалось решением текущих проблем.

Период 1997–1998 гг. характеризуется активными и радикальными действиями команды «младореформаторов», а также последующей многократной сменой правительств. Эти годы стали первыми годами после стабилизации, однако оставалось много нерешенных проблем, которые впоследствии привели к кризису августа 1998 г.

В целом, период 1992–1998 гг. стал периодом формирования основных структур современной российской экономики. Будучи противоречивым продуктом взаимодействия различных сил, теории и практики, этот результат нельзя назвать осуществлением всеобъемлющих комплексных мер по реформированию экономики по продуманному плану. Процесс проведения реформ представлял, скорее, несколько попыток различных команд осуществить этот первоначальный план рыночных преобразований в условиях постоянных кризисов, под давлением предвиденных и непредвиденных проблем, с логической сменой своих внутренних этапов. По мере того, как очередное правительство все более увязало в текущей работе и очередных экстремальных обстоятельствах, попыток проведения радикальных рыночных реформ становилось все меньше, хотя курс и установки на них присутствовали во всех командах, стоявших у власти. Тем не менее можно признать, что большая часть первоначальных планов по переходу к рынку была в основном сохранена и выполнена.

Литература

- Абалкин Л.И. (1) (1991) Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. М.: Политиздат.
Абалкин Л.И. (2) (1991) *Экономическая реформа и мировые тенденции общественного развития* // Общественные науки: состояние и перспективы. М.: 1991.
Абалкин Л.И. (1992) К цели через кризис. Спустя год... М.: Луч.

- Аганбегян А.Г. (ред.) (1987) Реформа управления экономикой: Проблемы и поиск. М.: Экономика.
- Аганбегян А.Г. (1990) Экономическая наука – практике законодательной деятельности // Вопросы экономики. № 2.
- Белоусов А.Р. (1996) Российская экономика в условиях системного кризиса: состояние и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. № 2.
- Богачев В.Н. (1993) Реформа захлебнулась: Пора бы начинать перестройку // Призраки и реалии рынка. М.: Институт экономики РАН.
- Бунич П.Г. (1984) Хозяйственный механизм разработки и выполнения коллективами напряженных планов // Коммунист. № 5.
- Гайдар Е.Т. (2006) Гибель империи. М.: РОССПЭН.
- Глазьев С.Ю. (1996) Как добиться экономического роста? (макродинамика переходной экономики: упущенные возможности и потенциал улучшения) // Российский экономический журнал. № 7.
- Глазьев С.Ю. (2006) Либеральные реформы в России: правда и вымысел. Препринт WP/2006/04. М.: ГУ ВШЭ.
- Голдман М. (1997) Капитализм инсайдеров: приватизация – успех или неудача? // Проблемы теории и практики управления. № 3.
- Горбачев М.С. (1995) Жизнь и реформы. Книга 1. М.: Издательство «Новости».
- Григорьев Л.М. (2006) Хронология реформ. Препринт WP 11/2006/01. М.: ГУ ВШЭ.
- Илларионов А.Н. (1995) Попытки проведения политики финансовой стабилизации в СССР и России // Вопросы экономики. № 7.
- Илларионов А.Н. (1) (2006) Российские реформы: Quo Vadis? Лекция в ГУ ВШЭ от 26.09.2006
- Илларионов А.Н. (2) (2006) Эволюция экономической повестки дня в России, 1986–2006. Доклад на Леонтьевских чтениях от 29.09.2006
- Исправников В.О. (1993) Виден ли выход из тупика? // Вопросы экономики. № 2.
- Исторические судьбы, уроки и перспективы радикальной экономической реформы (1995) // Вопросы экономики. № 4.
- Лопатников Л.И. (2006) Перевал: к 15-летию рыночных реформ в России. СПб.: Норма.
- Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 26–27 декабря 1983 года (1984). М.: Политиздат.
- «Мы никогда не будем любимы в своей стране». Интервью с Петром Авеном (часть 1) // <http://www.polit.ru/analytics/2006/12/12/aven1.html>
- «Мы заложили фундамент дальнейшей жизни» // Интервью с Петром Авеном (часть 2) // <http://www.polit.ru/analytics/2006/12/20/aven.html>
- Найшуль В.А. (2004) Автор ваучера о либеральных реформах [<http://www.polit.ru/article/2004/04/21/vaucher/1>]
- Найшуль В.А. (2006) Выступление в ГУ ВШЭ от 16.01.2006.
- Обзор экономической политики в России за 1997 год (1998) / А.З. Астапович, С.А. Афонцев, А.А. Блохин и др.; Бюро экономического анализа. М.
- Петраков Н.Я. (1993) Кризис экономической реформы в России // Вопросы экономики. № 2.
- Попкова Л. (1987) Где пышнее пироги // Новый мир. № 5.
- Программа углубления экономических реформ правительства Российской Федерации (1992) // Вопросы экономики. № 8.
- Ракитский Б.В. (2006) Из документов и публикаций периода четвертой (антитоталитарной) революции. М.: Институт перспектив и проблем страны.
- Реформа управления экономикой: проблемы и поиск (1987) / Под ред. А.Г. Аганбегяна. М.: Экономика.
- Сабуров Е.Ф. (1997) Реформы в России: первый этап. М.: ООО «Вершина-Клуб».
- Сергеев А.А. (1984) Совершенствование механизма управления на современном этапе // Вопросы экономики. № 7.
- Сравнительный анализ предложений по преодолению кризиса российской экономики и ее глубокому реформированию (1993) // Вопросы экономики. № 2.
- Стабилизация, либерализация и перераспределение власти. Оценка экономической ситуации и процесса реформ в Советском Союзе. Комиссия Европейских сообществ. Декабрь 1990 г.
- Уринсон Я.М. (2006) Экономические реформы: взгляд из министерства экономики. Препринт WP11/2006/03. М.: ГУ ВШЭ.
- Федоренко Н.П. (1983) Планирование и управление: какими им быть? // ЭКО. № 12.

- Хачатуров Т.С.* (1984) Совершенствование механизма управления на современном этапе // Вопросы экономики. № 7.
- Черненко К.У.* Речь на внеочередном Пленуме Центрального Комитета КПСС 13 февраля 1984 года // Коммунист. 14 февраля 1984 г.
- Шаталин С.С.* (1992) Меморандум российского правительства очень интересен, но программа реформ требует корректировки // Независимая газета. 21.03.1992.
- Шаталин С.С.* (1994) Приватизация в логике российских реформ // Независимая газета. 30.06.1994.
- Шматко Н.А.* (2005) «Топосы» российской экономической реформы: от ортодоксального марксизма к радикальному либерализму // Социология под вопросом. М.: Практис; Институт экспериментальной социологии.
- Экономическая реформа: поиск решений (1990) Материалы Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы. Под общей редакцией Л.И. Абалкина и А.И. Милюкова. М.: ИПЛ.
- Явлинский Г.А.* (2003) Периферийный капитализм // <http://www.yabloko.ru/Elections/2003/Kapitalizm/index.html>
- Явлинский Г.А.* (2006) О логике экономических реформ. Препринт WP 11/2006/02. М.: ГУ ВШЭ.
- Явлинский Г.А., Михайлов А.Ю., Задорнов М.М.* (1990) 400 дней доверия. М.: «Недра».
- Ясин Е.Г.* (1993) Судьба экономической реформы в России // Вопросы экономики. № 2.
- Ясин Е.Г.* (2002) Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ.